

В. В. ГЛЕБКИН

Школа актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС
Школа № 1514 г. Москвы
(Москва, Россия)
gleb1514@gmail.com

ОТКРЫВАНИЕ БУТЫЛОК КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

Хотя понимание лексических и семантических изменений как, в значительной степени, социокультурного явления прочно утвердилось в современной лингвистике, сложно говорить о том, что существует признанная методология исследований в указанной области и ясное понимание социокультурных процессов, ведущих к таким изменениям. Данная статья на примере анализа лексических средств, использующихся для описания действия по открыванию бутылок, показывает, какая сложная многоуровневая система факторов может стоять за простейшими, на первый взгляд, лексическими и семантическими процессами. Важным аспектом анализа становится ономаσιологический подход, исследующий проблему лексического выбора между альтернативными конструкциями и выявляющий критерии, определяющие такой выбор. В статье показывается, что процесс открывания бутылок крайне редко фиксируется в письменном языке XVIII в. и лексические средства для подобной фиксации еще не определены. В XIX в. это действие представлено главным образом конструкциями *откупоривать бутылку* и *раскупоривать бутылку*. Конструкция *открыть бутылку*, отсутствуя в общем языке XIX в., встречается независимо в социолекте низших городских слоев и техническом языке, связанном с прикладными науками. В XX в. она проникает в общий язык и с последней трети XX в. превосходит конструкцию *откупоривать бутылку* в лексической конкуренции. В статье также реконструируются социокультурные факторы, влияющие на выбор конструкции *откупоривать бутылку* или *открывать бутылку* авторами второй половины XX — первых десятилетий XXI в. Показано, что за конструкцией *откупоривать бутылку* часто стоит литературная традиция, тогда как за конструкцией *открывать бутылку* — стремление отразить непосредственную практику, современную автору.

Ключевые слова: лексические и семантические изменения, ономаσιологический подход, социолект, диахронный анализ, открывание бутылок

Введение

Недавняя публикация русского перевода классической работы Антуана Мейе «Как слова меняют значение» [Мейе 2019]¹ дает основания еще раз

¹ Статья была впервые опубликована в 1906 г. Об истории публикаций см. замечание переводчиков [Мейе 2019: 39].

обратиться к теоретическим аспектам проблемы лексических и семантических изменений². Важные для данной статьи положения подхода А. Мейе могут быть сформулированы следующим образом: а) язык — социальное явление и может быть адекватно исследован только в совокупности с социокультурной средой, в которую погружены его носители; б) хотя иногда изменение значения слова вызвано внутренними языковыми процессами, в большинстве случаев причины таких изменений носят социокультурный характер; в) одним из основных механизмов, определяющих процесс семантических изменений, является взаимодействие между социолектами, характеризующими локальные группы, и общим языком.

Хотя со времени публикации работы прошло уже более столетия и отдельные ее положения подверглись существенным уточнениям и дополнениям, заданная этой работой методологическая перспектива сохраняет свою значимость и по сей день. К сожалению, формат данной статьи не предоставляет возможности даже для краткого обзора многочисленных отечественных и зарубежных исследований, связанных с дальнейшим развитием отмеченной перспективы, и новых технических ресурсов, появившихся для этого (в частности, благодаря использованию корпусов и разнообразных статистических методов их анализа). Хотелось бы остановиться лишь на трех моментах, имеющих прямое отношение к данному исследованию.

Во-первых, спектр социокультурных факторов, выступающих триггером для лексических и семантических изменений, заметно шире процессов, указанных в работе А. Мейе. Наряду с более или менее локальными трансформациями, связанными с особенностями социально-экономического развития, появлением и эволюцией различных социальных групп, субкультур, профессиональных сообществ, такими факторами часто оказываются глобальные изменения, затрагивающие определенное общество и даже социокультурную эпоху в целом. Так, радикальные трансформации в «картине мира» западноевропейской культуры при переходе от Античности к Средним векам приводят к появлению механистических метафор задолго до того, как машины начинают играть важную роль в социально-экономической жизни [Глебкин 2012; 2014: 158–177]. Значимые социально-политические изменения, вызванные освобождением российских дворян от обязательной государственной службы, декларированным в «Манифесте о вольности дворянства» Петра III (1762) и «Жалованной грамоте дворянству» Екатерины II (1785), порождают проблему «пустого времени» и необходимость фиксации связанных с ней психологических состояний, вызвавшую, в частности, радикальные семантические трансформации понятия «скука» [Глебкин 2018: 150–164].

Во-вторых, иногда причиной лексических и семантических изменений оказываются не новые социокультурные практики (глобальные или ло-

² Я выражаю искреннюю признательность своему рецензенту Илье Борисовичу Иткину, чьи критические замечания и предложения оказались в высшей степени полезными при подготовке итогового текста статьи.

кальные), а изменение фокуса внимания культуры, начинающей замечать и фиксировать в языке процессы, уже давно происходящие и даже ставшие обыденными, но при этом не получившие еще своего наименования.

В-третьих, важным методологическим дополнением к сформулированным А. Мейе установкам является ономаσιологический подход, развиваемый в последние десятилетия в первую очередь Дирком Герартсом и его группой [Geeraerts et al. 1994; Geeraerts 1997; 2006; 2018]. Если базовый для проблемы лексических и семантических изменений (и единственно возможный для А. Мейе) семасиологический подход исследует эволюцию семантической структуры отдельных слов и лексических конструкций с течением времени, то ономаσιологический подход отталкивается от определенного концептуального содержания и исследует проблему лексического выбора между словами и выражениями, это содержание обозначающими (определения указанных подходов можно найти, например, в [Baldinger 1980: 278]).

Учитывая сделанные замечания, теоретическая модель описания, характеризующая значительную группу лексических и семантических изменений и задающая каркас для работы с конкретным материалом в рамках данной статьи, может быть представлена следующим образом: в социокультурном пространстве либо возникает новая область, либо уже существующая область попадает в фокус внимания; это запускает процедуру лексического выбора, в процессе которой различные носители языка предлагают своих кандидатов на обозначение данной области; в результате один или несколько кандидатов побеждают, и победившие обозначения закрепляются в языке.

* * *

Приведенные выше теоретические соображения легли в основу социолингвистического анализа конкретного и, на первый взгляд, предельно локального сюжета: как акт открывания бутылки именуется в русском языке, как способы такого именования изменяются со временем и какие социокультурные процессы за этим стоят.

Открывание бутылок прочно вошло в нашу повседневность и твердо обрело в языке устойчивую фиксацию. Два произвольно взятых примера наглядно иллюстрируют это³:

- (1) *Я сел за стол, он нарезал хлеба, открыл бутылку, налил вино в седые от невнимания граненые стаканы, предложил выпить за наши дебюты* (М. Петров. Поэт забвения. 2012);
- (2) *Сняла с себя корону, мишуру, стерла с губ помаду. Потом открыла бутылку шампанского, налила, положила на тарелку салат и стала есть* (М. Трауб. Плохая мать. 2010).

³ За исключением специально оговоренных случаев, все приводимые здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) (www.ruscorpora.ru).

Здесь четко зафиксирована базовая последовательность действий: открыл бутылку, налил содержимое в стакан (кружку, чашку и т. д.), выпил. Иногда открытие бутылки метонимически заменяет собой процедуру в целом:

- (3) *Оказавшись в старой квартире Тушинских (вскоре им предстоял переезд в новую, на Котельниках), дамы открыли бутылку лондонского «Бифитера» и приступили к серьезному разговору* (В. Аксенов. Таинственная страсть. 2007).

Использование конструкции⁴ *открывать бутылку* кажется во всех этих случаях совершенно очевидным прагматически и интуитивно воспринимаемым как глубоко укорененное в памяти языка. Однако это не так. Первое вхождение данной конструкции в НКРЯ датируется 1889 г. и следующее — 1897 г., т. е. во всех текстах XVIII и XIX вв., входящих в Национальный корпус, она встречается лишь дважды. Эта конструкция отсутствует в полных собраниях сочинений и писем А. С. Пушкина⁵, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова⁶. Другими словами, классической русской литературе она незнакома. Попробуем разобраться в причинах ее появления и закрепления в литературном языке и публицистике, обратившись к более подробному анализу корпусных данных.

Слово *бутылка* в подкорпусе XVIII–XIX вв. основного корпуса НКРЯ

Начнем с подкорпуса XVIII в. Слово *бутылка*⁷ встречается в нем 99 раз в 44 документах. Нас будут интересовать действия, которые совершаются

⁴ В данной работе конструкция *открывать бутылку* по умолчанию включает в себя сочетания со всеми формами глаголов совершенного и несовершенного вида (*открыл бутылку, открывала бутылку, открыть бутылку, открывая бутылку* и т. д.). Аналогичное утверждение справедливо и для конструкций *открывать дверь, откупоривать бутылку* и др.

⁵ Любопытно (и показательно как характеристика языковой инерции), что в целом ряде изданий Пушкина (например, [Пушкин 1982: 97; 2002: 441]) слова Мнишека в разговоре с Вишневецким в «Борисе Годунове» переданы как «Велим открыть бутылку вековую» (в оригинале «Велим отрыть бутылку вековую»).

⁶ При анализе использовались электронные издания: Полное энциклопедическое собрание сочинений А. С. Пушкина. ИДДК, 2005; Полное энциклопедическое собрание сочинений М. Ю. Лермонтова. ИДДК, 2005; Полное энциклопедическое собрание сочинений Н. В. Гоголя. ИДДК, 2002; Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. МЦФ, 1999; Энциклопедическое собрание сочинений Л. Н. Толстого. ИДДК, 2003; Полное энциклопедическое собрание сочинений А. П. Чехова. ИДДК, 2005.

⁷ Следует отметить, что слово *бутыль*, дериватом которого является *бутылка*, возникает в русском языке, видимо, в конце XVII в., представляя собой заимствование немецкого *Buttel* и/или французского *bouteille* (либо непосредственное, либо через польское *butel* или украинское *бутель*) [СРЯ XI–XVII, 1: 360; СРЯ XVIII, 2: 173–174].

с бутылками в данных текстах. Доминирует в них потребление содержимого бутылок, выражаемое глаголами *опорожнять(ся)*, *распивать*, *выпивать*, например:

- (4) *Я наливал, пенил, любовался светлостью вина, потчевал сидевших подле меня и был доволен, как царь. Скоро бутылка опорожнилась* (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. 1799);
- (5) *Прежде всего приказали собрать на стол, и когда сие было исполнено, то с прилежностью покушав, выпили несколько бутылок Шампанского* (Ф. А. Эмин. Адская почта или курьер из ада с письмами. 1788).

Также бутылки требуют, приносят, дарят, покупают, подают, дают, ставят на стол, наливают, с ними стоят, бегут и т. д. Но открывание почти не представлено в этом широком и разнообразном списке. Речь идет не только об отсутствии глагола *открывать*, но и о том, что процесс открывания в целом крайне редко фиксируется языком. Мне удалось найти лишь один случай фиксации данного действия в основном корпусе и один — в поэтическом корпусе.

- (6) *Сели потом есть, подали нам и вино это, которое я проиграл: кто ж это мог подумать, что оно по полтора рубли бутылка? коли б оно ужас сладко было, так бы уж и живот не болел, а то вино такое кислое, только лишь пенится; да я ж им еще и ушибся и облился, стал вынимать пробку, а как меня щелкнет в лоб, так я насилу усидел; стал его отведывать, так оно мне и в горло не пошло* (А. П. Сумароков. Ссора мужа с женой. 1750);
- (7) *Что будто сам Силен бутылки оттыкал,
И будто сам из них вино в себя глотал* (В. И. Майков. Елисей, или Раздраженный Вакх, 1769).

Открывание бутылки во фрагменте (6), как легко заметить, представляет собой испытание для героя, а не ставшее уже привычным действие. Необычность ситуации ведет к тому, что на ней фиксируется внимание читателя, и она описывается подробно, без использования обобщающего понятия, маркирующего процесс открывания в целом. Во фрагменте (7) процесс открывания передается глаголом *оттыкать*⁸.

Резюмируя, можно сказать, что открывание бутылок попадает в поле зрения авторов XVIII в. крайне редко, и в языке отсутствуют устойчивые лексические средства для фиксации этого действия.

⁸ В первом издании Словаря Академии Российской глагол *оттыкаю* определяется как 'Вынимаю затычку, пробку; открываю отверстие сосуда выняв затычку' и иллюстрируется примером *Ототкнути бутылку, бочку* [САР, 6: 350]. Однако этот глагол, видимо, был редким в текстах XVIII в. Так, подкорпус XVIII в. НКРЯ дает только одно вхождение для глагола *оттыкать*, а подкорпус XVIII в. Google Books (далее — GB) не показывает вхождений вовсе.

Данный факт может быть объяснен несколькими причинами. Во-первых, стеклянные бутылки — скорее экзотика, чем привычный элемент повседневной жизни для русской культуры XVIII в. Стекольные фабрики появились в России в XVII в., за первые три четверти XVIII в. их число незначительно возросло, но эти фабрики производили в основном дорогую хрустальную посуду и оконные, зеркальные и фонарные стекла различной формы. О промышленном производстве бутылок речь не шла [Описание 1914: XXXIX–LI; Малинина 2009: 46–50]. Бутылки ввозились из-за границы, используясь в химии, медицине, но главной составляющей импорта был алкоголь.

При этом объем импортируемого в бутылках алкоголя составлял ничтожную долю в обороте алкогольной продукции в России в XVIII в. Продажа алкоголя была (впрочем, и остается) крайне прибыльным бизнесом и на протяжении всего XVIII в. тщательно регламентировалась государством. Интересен в данном отношении период правления Екатерины II. За время своего нахождения на престоле она издала порядка ста указов и выпустила два объемных устава, посвященных производству и продаже вина («Устав о винокурении» (1765) и «Устав о вине» (1781)), в которых эти процессы были подвергнуты детальному регулированию. Однако во всех указанных документах речь шла почти исключительно о российском хлебном вине, которое производилось в кубах и казанах, измерялось ведрами и хранилось и перевозилось в бочках разного размера. Единственное упоминание бутылок мне удалось встретить лишь в «Указе о повышении продажной цены на вино по одному рублю на ведро», датированном декабрем 1793 г.⁹

Во-вторых, бутылки вина стоили дорого¹⁰, они были знаком высокого социального статуса, обычно распивались на праздниках и торжествах и в этом случае открывались в подсобных помещениях слугами, которые вносили их в зал уже открытыми. Процесс открывания не попадал в поле зре-

⁹ Интересны и показательны используемые в указе формулировки: «*Первое*, в Губерниях, где казенная винная цена по три rubli за ведро вина состояла, продавать оное впредь до указа НАШЕГО по четыре rubli ведро, начиная с первого Генваря наступающего 1794 года... *Четвертое*, в сообразность такового возвышения цены на вино от казны продаваемое, прибавить пошлину по Тарифу положенную на водку из Гишпании и других мест привозимую делаемую там на образец французской, и вместо четырнадцати rubлей с анкерка, брать по двадцати rubлей; с двойной водки, с араку и шрому с дюжины бутылок по семи rubлей по двадцати копеек...» [Екатерина 1793: 1]. Из указа видно, что и концу XVIII в. объем импортного алкоголя заметно уступал объему производимой в России алкогольной продукции.

¹⁰ Стоимость бутылки вина колебалась от одного до четырех rubлей (для сравнения: пуд говядины стоил 12 коп.) [Курукин 2005: 74] при зарплате чиновников, занимавших высокие должности (секретари и обер-секретари, что примерно соответствовало 6–7 классам в «Табели о рангах»), 30–40 rub. в месяц и низших чиновников — 8–12 rub. в месяц [Чибинев, Пиджаков 2008: 112].

ния участников (т. е. тех, кто был включен в производство и воспроизводство письменной культуры)¹¹.

В-третьих, практики создания художественных текстов и биографического нарратива (дневников и воспоминаний) на русском языке были еще новыми и непривычными для отечественных авторов, что выразилось как в ограниченном объеме корпуса XVIII в., так и в отсутствии разработанного языка описания повседневности.

Ситуация радикально изменяется в XIX в. Прежде всего возрастает количество стекольных заводов и их мощности, и производство стеклянных бутылок оказывается поставленным на поток¹². Бутылки перестают быть экзотикой, и представители различных социальных групп в своей повседневной жизни все чаще сталкиваются с необходимостью открывать их. Кроме этого, заметно увеличивается объем и жанровое разнообразие создаваемых авторами XIX в. произведений, а также совершенствуются языковые средства для отражения (или конструирования) повседневных ситуаций в пространстве текста.

Указанные изменения наглядно видны при обращении к подкорпусу XIX в. основного корпуса НКРЯ. Запрос на слово *бутылка* дает 3461 вхождение в 907 документах. Акт открывания уже довольно широко представлен в текстах, однако, как было отмечено, конструкция *открывать бутылку* встречается лишь трижды в двух документах. Победителями в возникшем лексическом состязании оказываются конструкции *откупоривать бутылку* (66 вхождений в 62 документах) и *раскупоривать бутылку* (26 вхождений в 24 документах). Остальные конструкции остаются далеко позади¹³.

- (8) *Александра Михайловна принесла ром. Андрей Иванович откупорил бутылку, отер горлышко краем скатерти и налил две рюмки.*

¹¹ При этом сам вкус виноградного вина был непривычным для российских дворян и часто вызывал резкое отторжение. Интересно в этом отношении свидетельство Ф. В. Берхгольца: «Когда я потом спрашивал, отчего они разносят такой дурной напиток, как хлебное вино, мне отвечали, что русские любят его более всех возможных данцигских аквавит и французских водок (которые, однако ж, здешние знатные очень ценят, тогда как простое вино они обыкновенно только берут в рот и потом выплевывают) и что царь приказывает подавать именно это вино из любви к гвардии, которую он всячески старается тешить» [Берхголец 1902: 39].

¹² В 1814 г. в России было 146 стекольных и хрустальных заводов, в 1838 г. — 185, в 1874 г. — больше 200. Только на одном Никольско-Бахметьевском заводе с июля 1793 г. по июль 1794 г. было продано 11 тыс. столовых бутылок [Описание 1914: LIII, 28–29]. Другими словами, уже к концу XVIII — началу XIX в. отечественные стеклянные бутылки входят в повседневный быт широких слоев населения России.

¹³ Кроме трех вхождений конструкции *открыть бутылку*, один раз встречается конструкция *вскрыть бутылку*. В целом похожая картина (превосходство в несколько раз *откупоривать бутылку* над *раскупоривать бутылку* и отсутствие других конструкций) получается при обращении к русскому подкорпусу XIX в. GB.

— *Пожалуйте-ка, Дмитрий Семенович!.. За ваше здоровье!* (В. В. Вересаев. Два конца. 1899–1903);

- (9) *Приехав домой, он нетерпеливо потребовал штопор и рюмку, раскупорил бутылку, налил рюмку, посмотрел на свет, хлебнул и плюнул. — Где Прохор? позови его ко мне!* (А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. 1848).

Как видно из (8) и (9), общая модель описания последовательности действий в них вполне соотносится с примерами (1) и (2). Единственное (но принципиальное в данном контексте) отличие состоит в использовании глаголов *откупорить* и *раскупорить* вместо глагола *открыть*. Попробуем разобраться в причинах этого.

Слова *откупорить* и *раскупорить* отсутствуют в [СРЯ XI–XVII], но там представлены глагол *купорити* в значении ‘затыкать, заделывать щели в бочках’ и существительное *купарь* (‘тот, кто затыкает, заделывает щели в бочках, бондарь’) с очевидными аналогами в европейских языках (ср. англ. *cooper*, ср. нж.-нем. *cûper*) [СРЯ XI–XVII, 8: 125, 132]. Также словарь включает в себя глагол *закупорити* (‘закупорить’) [Там же, 5: 228]. Слова *купарь* и *купорити* фиксируются по крайней мере с середины XVII в., *закупорити* — с конца XVII — начала XVIII в. [СРЯ XVIII] включает в себя статью *откупорить*, определяя этот глагол как ‘открыть что-л. закупоренное (бутылку, бочку)’ [СРЯ XVIII, 18: 11]¹⁴.

Приведенные факты объясняют, почему глаголы *откупоривать* и *раскупоривать* оказались подходящими кандидатами для обозначения действия по открыванию бутылки. В древней и средневековой Руси в качестве емкостей для длительного хранения напитков использовались бочки, поэтому принятая в данной области терминология была по аналогии перенесена на структурно и функционально близкие повседневные практики, когда они стали распространяться в обществе.

Более интересен вопрос, почему глагол *открывать* проиграл лексическую конкуренцию на первом этапе. Для ответа на него обратимся к семантической структуре этого глагола в современном языке. Можно показать (см. [Глебкин 2014: 226–249]), что в ее основе лежит прототипическая схема, представленная на рис. 1, включающая в себя внутреннюю область А, внешнюю область В и разделяющую их границу С.

Таким образом действие, обозначаемое глаголом *открывать*, представляет собой удаление (обычно временное и воспринимаемое как ординарное событие) части границы С, открывающее возможность для прямого контакта области А и области В. Это действие может преследовать широкий

¹⁴ Следует отметить, что, несмотря на это определение, в приводимых в словаре примерах речь идет о бочке, корзине и сосуде. Примеры с открыванием бутылки отсутствуют. Также замечу, что последний вышедший на данный момент том [СРЯ XVIII] заканчивается словом *потрактовать*, поэтому глагол *раскупорить* еще не представлен в нем.

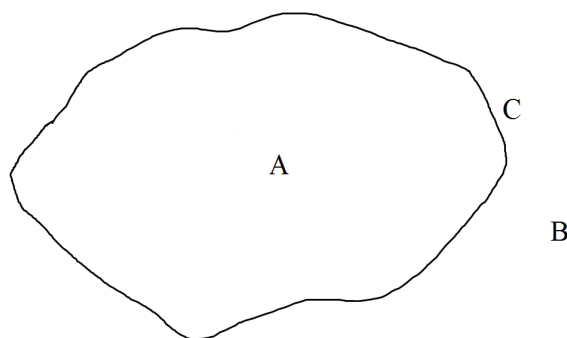

Рис. 1. Прототипическая схема для глагола *открывать*

спектр целей: войти в / выйти из области А; поместить что-то в / забрать что-то из области А; получить информацию из / передать сообщение в область В; открыть доступ в область В для субстанции, наполняющей область А; обеспечить нужный для области А температурный баланс и т. д. Это разнообразие целей представлено конструкцией *открывать дверь* (*двери*), по данным Google Books Ngram Viewer (далее — GBNV), одной из двух наиболее частотных (наряду с *открывать глаза*) биграмм с глаголом *открывать*, относящейся к прототипическому ядру его концептуальной структуры. Однако первое вхождение конструкции *открывать дверь* в НКРЯ датируется лишь 1771-м г., и это согласуется в целом с данными корпуса GB (конец XVIII в.). Мне не удалось найти употреблений указанной конструкции в текстах древнерусской и средневековой русской литературы. Важно отметить, что глагол *открывать* имел в текстах этого периода заметно более узкое значение. Для большей детализации обратимся к корпусу текстов, представленных в серии Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР), который является на данный момент, вероятно, наиболее полным собранием произведений, относящихся к XI–XVII вв. Его анализ показывает, что, когда речь идет об открывании двери и похожих ситуациях, в которых носители современного языка используют глагол *открывать*, в этих текстах используются другие глаголы (глагол *отверзать* и, реже, (в основном если речь идет о воротах) глагол *отворять*):

- (10) *И пришед епископъ съ 4-рми дияконы, отверзе двери Гробныя, и взяша свѣцу у князя того у Балдуина, и тако вниде въ Гробъ, и возже свѣцу княжю первѣе от свѣта того святого* (Хождение игумена Даниила) [БЛДР, 4: 112]¹⁵;

¹⁵ Следует отметить, что глагол *отверзать(ся)* заменяет в древнерусских текстах глагол *открыть* и во второй наиболее частотной для современного употребления конструкции (*открыть глаза*), а также в таких конструкциях, как *открыть рот* и др. (*А оттуда на полудне лицъ долъ под горою есть купль Силоамля, идеже*

- (11) *Он же мало бився оттуду и видѣв, яко спѣется ему дело, и тогда отвори врата градныя, и всяде на конь свой...* (Казанская история) [Там же, 10: 274].

Глагол *открывать* и его дериваты, за редким исключением, появляются в корпусе в двух контекстах. Первый из них, доминирующий в текстах, связан с особым, тайным знанием, обретение которого чаще всего характеризует эсхатологическую ситуацию или прямой контакт человека и Бога (примеры (12) и (13)):

- (12) *Богъ челоѡкомъ откры святыми книгами вся соблажнення лукаваго дьявола, да не прелститъ боящихся его* (Из «Измарагда») [Там же, 10: 100];
- (13) *И въ возвращение его открыются сокровища земная, и всѣ обогатѣють, и никтоже нищъ будет, и земля дастъ плодъ свой седмирицею, оружия ратная сътворятъ серпове* (Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году) [Там же, 7: 68].

Второй контекст, гораздо более редкий, указывает на прямое вмешательство Бога в события, происходящие на Земле:

- (14) *И се нынѣ открыся гнѣв Божий на тебѣ и предасть тебѣ въ руце врагомъ твоимъ* (Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году) [Там же, 7: 64].

Так выглядит картина к концу XVII в.¹⁶ Радикальные трансформации, которые происходят со смысловой структурой глагола *открывать* в XVIII в., требуют отдельной объемной статьи и не могут быть представлены здесь с необходимой степенью подробности, однако кратко резюмировать их можно следующим образом. В XVIII в. благодаря петровским реформам заметно усиливается процесс секуляризации культуры, начавшийся во вто-

Христосъ слѣпцу очи отверзе (Хождение игумена Даниила) [БЛДР, 4: 112]; *Уста же свои отвѣрзе* (Повесть временных лет) [Там же, 1: 128].

¹⁶ Иная картина складывается, на первый взгляд, при обращении к [СРЯ XI–XVII]. В статье, посвященной глаголу *открыти*, первым значением дается ‘открыть, раскрыть, распахнуть’, вторым — ‘освободить от чего-либо покрывающего, делающего невидимым’ и лишь третьим — ‘сделать явным, известным’. Аналогично выглядит и статья для глагола *открывати*. Однако почти все приводимые авторами примеры либо поздние (например, *не открываючи оконца* датируется 1688 г.), либо могут быть проинтерпретированы как метонимический сдвиг значения (открытие объекта ведет к обретению скрытого знания, обычно носящего сакральный характер). Подчеркну еще раз, что на материале БЛДР первое и второе значения встречаются крайне редко. Создается впечатление, что авторы статей просто спроецировали современный семантический каркас глагола *открывать* на средневековый материал, не учитывая, что в тот период указанный каркас мог быть принципиально иным.

рой половине XVII в. Религиозное знание, основанное на авторитете и включающее в себя обязательный трансцендентный план, постепенно уступает место естественнонаучному знанию, опирающемуся на эксперимент и непосредственный опыт. Это ведет, в частности, к гораздо более сильной, чем в предшествующий период, связи между концептуальными структурами глаголов *знать* и *видеть*. Смыслы, связанные с процессом познания, доминируют в концептуальной структуре глагола *открывать* и его дериватов также и в XVIII в., но постепенно (особенно со второй половины XVIII в.) сакральное знание заменяется картиной, которая в буквальном смысле предстает перед глазами автора. В первую очередь это касается профессиональных языков (языка естественных наук, военного дела), но постепенно, вполне согласуясь с моделью А. Мейе, данный процесс распространяется шире и шире, приводя к изменениям языкового употребления в целом. Открытым в этой логике оказывается то, что открывается взору¹⁷. Затем метонимически указанное действие переносится на элемент границы, и возникают конструкции *открыть дверь*, *открыть окно* и т. д. С другой стороны, глагол *отверзать* оказывается связанным с устаревающей на глазах картиной мира, используется в основном религиозными авторами и постепенно выходит из употребления.

Однако от открывания дверей еще достаточно далеко до открывания бутылок. Посмотрим более внимательно на два документа, в которых конструкция *открыть бутылку* появляется в подкорпусе XIX в. НКРЯ. Первый документ — мемуары начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции И. Д. Путилина (см.: [Путилин 2003]). Пример (15) представляет собой фрагмент прямой речи девушки «легкого поведения» по прозвищу Сонька-гусар, пример (16) — фрагмент прямой речи лакея в гостинице:

- (15) *Он сел. Достал бутылку вина. Хорошее вино. Я открыла бутылку. Налили мы стаканы, и он мне все рассказал* (И. Д. Путилин. 40 лет среди грабителей и убийц. 1889);
- (16) *Потом барышня приказала дать стаканы, миндального пирожного и открыть бутылку, а господин два дюшеса заказал* (И. Д. Путилин. 40 лет среди грабителей и убийц. 1889).

Второй документ — одна из книг Н. А. Лейкина про путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых («молодого

¹⁷ В связи с этим интересно проследить за употреблением глагола *открывать* и его дериватов в текстах М. В. Ломоносова, особенно в его переводах. Так, иллюстрируя различные элементы повествовательной структуры текста, он приводит собственный перевод фрагмента произведения Квинта Курция Руфа «История Александра Великого», переводя, в частности, *Tum vero universa futuri discriminis facies in oculis erat* (Curt. 4.13.1) как *Тогда открылся совсем ясно вид будущего сражения* [Ломоносов 1952: 360]. Нетрудно заметить, что здесь *открылся совсем ясно* используется в качестве эквивалента *in oculis erat*.

купца с женой», как характеризует их автор) за границу (первая книга серии имеет характерное и вполне современное название «Наши за границей»):

- (17) *Я скажу, когда область винодѣлія начнетъся. — Ну, такъ я тамъ и открою бутылку. А теперь только смолку собью. И Николай Ивановичъ принялся отбивать на бумагу смолку отъ шампанской бутылки* (Н. А. Лейкин. В гостях у турок. 1897).

Важно отметить, что Николай Иванович представлен в этих книгах человеком простым, малообразованным, часто примитивным по своим реакциям и говорящим на языке, характерном для мещанства и низших слоев купечества¹⁸. Также следует подчеркнуть, что в довольно обширном собрании текстов Н. А. Лейкина в НКРЯ (оно включает в себя 102 документа) конструкция *открыть бутылку* больше не встречается, и во всех случаях, в которых автор описывает открытие бутылок, он использует глагол *откупоривать*.

Пытаясь обобщить этот крайне скудный, к сожалению, материал, можно предположить, что конструкция *открыть бутылку* использовалась в конце XIX в. в социолекте низших городских слоев, представляя собой вульгаризм или жаргонизм. Также можно с осторожностью предположить, что исходной точкой для ее распространения в этой среде был блатной жаргон (для воров операция открывания различных объектов (дверей, окон, сундуков, сейфов и т. д.) с целью проникновения внутрь и выяснения содержимого является неотъемлемой частью «профессии», поэтому действие открывания в значении удаления элемента границы между внешним и внутренним могло закрепиться и перенестись на смежные области).

Второй локальной средой, в которой конструкция *открыть бутылку* используется в XIX в., становится технический язык, связанный с прикладными науками. НКРЯ не дает никакой информации о существовании данного контекста, но два примера, подтверждающих его наличие, можно найти в корпусе GB:

- (18) *Ежели бутылка столь крепко была меловою пробкой закупорена, что не мог из нее выходить гас, то в таком случае должно в первой раз открыть бутылку, когда простынет* [Технологический журнал 1811: 97];
- (19) *Чтобы открыть бутылку, головку пробки надавливают вниз рукою, преодолевая давление газовой жидкости* [Записки русского технического общества 1872: 350].

¹⁸ Первая фраза, которую он произносит после пересечения границы в повести «Наши за границей», звучит так: — *Ну-съ, Глафира Семеновна, прѣхали въ заграницу. Теперь слѣдуетъ намъ свое образованіе доказывать. Сажайте иностранныя слова! Сажайте безъ всякихъ стѣсненіевъ. Жарьте во всю* (Н. А. Лейкин. Наши за границей. 1890).

Возможные процессы, стоящие за подобным использованием данной конструкции, были затронуты выше. Движение от сакрального знания к знанию, опирающемуся на эксперимент и непосредственный опыт, характерное для развивающихся естественных наук, приводит к все более и более активному распространению в обозначенном регистре глагола *открывать* в различных формах и прилагательного *открытый*. При этом использование конструкций *откупоривать бутылку* и *раскупоривать бутылку* в повседневном языке XIX в. приводило к необходимости разграничивать общее и терминологическое употребление (цели открывания бутылки в научной лаборатории и в повседневной ситуации были разными).

Итак, опираясь на приведенные данные, можно утверждать с определенной степенью уверенности, что конструкция *открывать бутылку* к концу XIX в. используется независимо в двух относительно узких специальных регистрах (языке прикладных наук и языке низших городских слоев, возможно, происходя, во втором случае, из воровского жаргона) и не используется в общем языке.

Конструкция *открывать бутылку* в письменном русском языке XX — начала XXI в.

В XX в. ситуация кардинально изменяется, и конструкция *открывать бутылку* прочно входит в повседневный язык. Это отчетливо проявляется и в письменных текстах. Обратимся к данным GBNV¹⁹.

Как видно из графика, частотность конструкции *открывать бутылку* линейно возрастает с начала 1940-х гг. и затем увеличивает скорость возрастания где-то с 1980-го г. (говоря математическим языком, вторая производная становится больше нуля), обходя конструкцию *откупоривать бутылку* в ономаσιологическом состязании.

¹⁹ Для понимания степени репрезентативности приведенного на рис. 2 графика и стоящей за ним методологии важно отметить следующее. С одной стороны, GB — самый большой корпус письменных текстов на русском языке, в сотни раз превосходящий НКРЯ. С другой стороны, как известно, в него включены лишь книги и «толстые» журналы, при этом не представлены газеты, интернет-ресурсы и т. д., что предполагает работу с НКРЯ как дополнительным корпусом. Также в нем нет возможности непосредственного анализа всего спектра форм, связанных с определенной конструкцией (в данном случае *открыть бутылку*). Приведенные графики представляют собой зависимость от времени суммарной частотности трех наиболее частотных форм (*открыл бутылку*, *открыть бутылку*, *открыла бутылку* и, соответственно, *откупорил бутылку*, *откупорить бутылку*, *откупорила бутылку*). Конструкция *раскупорить бутылку* не рассматривается, так как она оказывается гораздо менее частотной, чем *откупорить бутылку*. На всякий случай напомним, что по оси ОУ приводится отношение всех вхождений какого-либо слова или конструкции за определенный год к общему числу слов, входящих в тексты, датированные данным годом в корпусе.

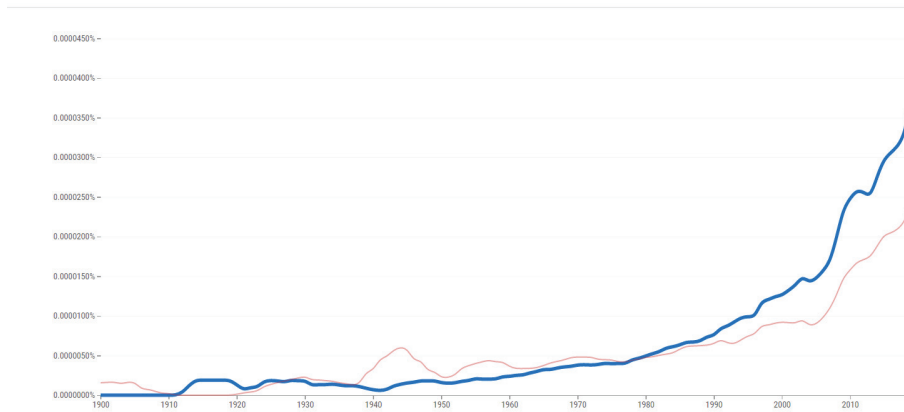

Рис. 2. Распределение частотностей конструкций *открывать бутылку* (жирная линия) и *откупоривать бутылку* (тонкая линия) в XX — начале XXI в. по данным GBNV (сглаживание — 3)

Попытаемся реконструировать социокультурные процессы, которые могли вызвать эти изменения. Прежде всего заметно возрастает разнообразие бутылок и способов их открывания. Этот процесс начинается в первой половине XX в., но особенно заметным он становится во второй половине указанного периода. Входят в широкое употребление молочные бутылки с крышкой из фольги и с жестяной крышкой, пивные бутылки, а также бутылки для лимонада и других безалкогольных напитков с жестяными крышками и т. д. Иными словами, извлечение пробки из бутылки, маркируемое глаголом *откупоривать*, перестает быть доминирующей операцией в данном процессе.

Исходя из общих соображений, язык может отреагировать на указанные изменения двумя способами. Первый из них — расширение объема понятия *откупоривать*, при котором оно начинает описывать новые операции с объектами, получая обобщенное значение. Второй — поиск лексических конкурентов, которые будут маркировать указанные изменения, оставляя за глаголом *откупоривать* уже освоенные концептуальные области или постепенно захватывая и эти области и вытесняя тем самым данный глагол на смысловую периферию.

Попытки действовать по первому сценарию характерны для первой четверти XX в., когда у целого ряда авторов глагол *откупоривать* начинает использоваться для описания действий, далеких по своим кинетическим характеристикам от откупоривания бутылок. Несколько иллюстраций этому приведено ниже.

- (20) *Когда она благополучно прибыла, царь, как ни хотелось ему поскорее взглянуть на статую, которой он так долго ждал и о кото-*

рой так много слышал, все же победил свое нетерпение и решился не откупоривать ящика до первого торжественного явления Венус на празднике в Летнем саду (Д. С. Мережковский. Петр и Алексей. 1905);

- (21) *Я держал в руках стакан чаю и глядел, как откупоривают коробку консервов, как вдруг услышал оглушительный пушечный выстрел* (Н. С. Гумилев. Записки кавалериста. 1914–1915);
- (22) *У большого амбара, где обычно товар откупоривали, сверяли полученное по книгам-счетам, и тогда уже по частям отправляли в магазин* (М. В. Нестеров. О пережитом. 1862–1917 гг. Воспоминания. 1926–1928);
- (23) *Когда за стеной утихал наконец телефон, ночью, мыши поедали, с гвалтом, крошки и пытались откупоривать банку с запасным конденсированным молоком* (З. Н. Гиппиус. Он и мы. 1943).

Однако уже к середине века данные вхождения исчезают в НКРЯ, оставаясь в качестве единичных исключений, в основном в эмигрантской литературе (пример (23)). В частности, если в первые десятилетия XX в. открывание банки консервов неоднократно маркируется глаголом *откупоривать*, то уже в 1940–1950-х гг. такое употребление сходит на нет, и это действие выражается глаголами *открывать* и *вскрывать*.

Для возможного объяснения отмеченных фактов имеет смысл ввести категорию «онтологического веса» понятия, характеризующую значимость маркируемых этим понятием практик (явлений, объектов) для различных аспектов жизни человека. Если понятие обладает большим онтологическим весом, оно без усилий покрывает смежные с ним новые концептуальные области — либо непосредственно, либо в результате метонимического или метафорического сдвига. Классический пример таких понятий — названия частей тела человека, легко переносимые на широкий круг смежных или подобных по структуре объектов, прямо (*голова колонны, сахарная голова*) или с минимальными словообразовательными изменениями (*ручка двери, спинка стула* и т. д.). Другим примером понятий с большим онтологическим весом, относящимся уже не к повседневности, а к мировоззренческим аспектам, является понятие *мещанство*, получившее после работ А. И. Герцена резко негативную окраску и характеризующее у него стиль жизни западного буржуа. Вследствие хорошо известной «антибуржуазности» русской культуры второй половины XIX — начала XX в. осуществленная А. И. Герценом смысловая трансформация оказывается крайне востребованной, и слово *мещанство* начинает описывать жизненные принципы и модели поведения широкого спектра социальных групп, во многих случаях далеко отстоящих от западной буржуазии по формальным критериям [Глебкин 2007].

Важно отметить, что онтологический вес может быть разным для различных социокультурных групп и даже для отдельных носителей языка.

В этом случае экспансия понятия в новые области, выглядящая совершенно естественно для одних носителей, оказывается искусственной и противоречащей языковой интуиции для других.

Это касается, видимо, и конструкции *откупоривать бутылку*. Для русской культуры Серебряного века, представителями которой являются авторы приведенных выше примеров, с ее стремлением избавиться от диктата разума и прорваться к трансцендентным безднам, состояние опьянения было не просто чертой повседневной жизни, но несло и значимую мировоззренческую нагрузку. В этом контексте конструкция *откупоривать бутылку* получала онтологический вес, достаточный для ее переноса на смежные области²⁰.

Однако у послереволюционного поколения, сменившего авторов Серебряного века, сформировались другие мировоззренческие и ценностные ориентиры, поэтому можно предположить, что онтологический вес конструкции *откупоривать бутылку* был для них заметно меньше, и ее перенос на смежные практики не казался им естественным. С другой стороны, глагол *открывать* все активнее укоренялся в языке, покрывая широкий спектр действий и получая все больший онтологический вес. Вероятно, это и стало причиной того, что он сначала вытеснил глагол *откупоривать* из смежных областей, а затем стал вторгаться и в области, «исторически закрепленные» за глаголом *откупоривать* (для понимания этого сдвига важно подчеркнуть, что конструкция *открывать бутылку* уже существовала, как мы уже говорили, в социолекте низших городских слоев и профессиональном языке прикладных наук).

Следует отметить, что данный процесс происходил медленно и занял несколько десятилетий. В качестве иллюстрации переходного состояния в его рамках интересно обратиться к брошюре «Бумажные бутылки для мо-лока», изданной в 1935 г. Авторы текста несколько раз сталкиваются с не-

²⁰ Определенным аргументом в пользу сделанного утверждения являются два вхождения в НКРЯ, представляющие собой метафорические проекции действия по открыванию бутылок на область внутренних состояний человека и область социальных отношений. Первое из них представляет высказывание теософа М. В. Лодыженского в его разговоре с Львом Толстым, приведенное в дневнике А. Б. Гольденвейзера:

— Это приятно, радостно слушать, — сказал Л. Н.

— Это меня откупоривает! Лев Львович указал на меня и сказал:

— А вот и штопор сидит, записывает (А. Б. Гольденвейзер. Дневник. 1910).

Второе вхождение, имеющее откровенно сниженный характер, обнаруживается в романе К. Вагинова «Козлиная песнь»:

— А не знаешь ли ты вузовки какой-нибудь? Люблю девушек откупоривать. Вчера, пока ты шестивыми наслаждался, — знаю, знаю, сидел где-нибудь на балконе и поплевывал вниз, — я Наташу...

Бывший артиллерийский офицер сделал соответствующий жест (К. К. Вагинов. Козлиная песнь. 1928).

обходимостью описать открывание бумажных бутылок²¹, у которых отсутствуют крышки, и действие предполагает надрез (надрыв) верхней части бутылки. В отличие от авторов примеров (20)–(23), они не используют для этого глагол *откупоривать*, но еще не готовы употреблять и глагол *открывать*, предпочитая решать проблему путем описания составляющих процесс открывания действий:

- (24) *Чтобы добыть из этих бутылок молоко, срезают верхний край бутылки или надрезают ее пониже затвора* [Бумажные бутылки 1935: 6];
- (25) *Опорожнение этих бутылок производится путем выдавливания или надреза стенки бутылки у верхнего ее края* [Там же: 8].

Перейдем теперь к более детальному анализу лексической конкуренции между конструкциями *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку*, обратившись к данным НКРЯ. В подкорпусе 1900–1950-х гг. конструкция *открывать бутылку* в различных ее формах встречается 11 раз и *открытая бутылка* — один раз. В свою очередь, конструкция *откупоривать бутылку* дает 70 вхождений и *откупоренная бутылка* — 11²². Отметим более чем шестикратное превосходство второй конструкции над первой в ситуации лексического выбора²³.

Распределение заметно меняется в подкорпусе 1951–1990-х гг. Конструкция *открывать бутылку* встречается в нем 82 раза, конструкция *открытая бутылка* — 9 раз, в то время как конструкция *откупоривать бутылку* дает 40 вхождений и еще 6 раз встречается конструкция *откупоренная бутылка*. Другими словами, более чем шестикратный перевес конструкции

²¹ По тексту брошюры и представленным иллюстрациям видно, что эти бутылки представляют собой полный аналог современных пакетов из-под молока.

²² Использовался лексико-грамматический поиск для слов *откупорить* и *бутылка* на расстоянии от -3 до 3. Если датировка произведения пересекала указанные границы (например, 1947–1953 гг.), то данное вхождение учитывалось в более позднем подкорпусе. Получившаяся база данных обрабатывалась ручным способом. При этом учитывались любые вхождения, в которых обозначалось действие откупоривания или, соответственно, открывания бутылок (например, *Пугачев откупорил шилом пять бутылок*).

²³ Эти данные расходятся, на первый взгляд, с данными GBNV, где превосходство *откупорить бутылку* над *открыть бутылку* не столь велико (примерно в два раза, если проинтегрировать графики). Для интерпретации этого расхождения нужно учесть следующие факторы. С одной стороны, подкорпус GB 1900–1950-х гг. где-то в 50 раз превосходит соответствующий подкорпус НКРЯ. С другой стороны — корпус GB несбалансирован, и структура подкорпуса GB 1900–1950-х гг. непонятна. Другими словами, сложно сказать, какие из данных более показательны, но они согласуются в том, что конструкция *открыть бутылку* используется в период 1900–1950-х гг. крайне редко и проигрывает лексическую конкуренцию конструкции *откупорить бутылку*.

откупоривать бутылку сменяется двукратным превосходством конкурирующей конструкции.

Материал, предоставляемый данным подкорпусом, уже достаточно объемный для того, чтобы сделать некоторые качественные выводы. Нас будет интересовать вопрос о критериях ономастического выбора между конструкциями *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку*. Анализ материала подкорпуса дает возможность сделать три наблюдения.

А) Конструкции *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку* выглядят для носителей языка скорее как противостоящие друг другу, чем как дополняющие друг друга. Из 30 авторов, использующих конструкцию *откупоривать бутылку*, и 50 авторов, пользующихся конструкцией *открывать бутылку*, только восемь употребляют обе конструкции. У авторов, у которых зафиксировано три и более вхождений одной из конструкций (три автора для конструкции *откупорить бутылку* и шесть — для *открывать бутылку*), пересечений нет вообще.

Б) Конструкция *откупоривать бутылку* используется в авторском тексте и почти не используется в прямой речи персонажей, включенной в ситуацию диалога. Конструкция *открывать бутылку* употребляется в этом формате чаще (одно вхождение для *откупоривать бутылку* и три — для *открывать бутылку*). Например,

- (26) *Я оставил его вопрос без ответа, помолчал немного, сказал:*
— *Постарайтесь припомнить, вы бутылку сами открывали?*
— *Пожалуй...* (А. Вайнер, Г. Вайнер. Лекарство против страха. 1987).

В) Конструкция *открывать бутылку* гораздо чаще, чем конструкция *откупоривать бутылку*, используется в ситуациях, когда процесс открывания получает какую-то детализацию (чем открывается бутылка, как это делает открывающий и т. д.):

- (27) *...первый кочегар уже отвернулся от него и, зацепив металлическую крышку одной бутылки металлической крышкой другой перевернутой бутылки, пытается ее открыть. Несколько раз дернул перевернутой бутылкой, но оба раза она соскользнула, не зацепившись за край крышки другой бутылки* (Ф. Искандер. Бедный демагог. 1969);
- (28) *Светские львицы перепились и вели себя, как уличные девки; принц Лобковиц открыл бутылку шампанского прямо в лицо своему другу, получил пощечину и вызвал его на дуэль; кто-то из младших Габсбургов пытался оголиться, его кузина успешно осуществила это намерение* (Ю. М. Нагибин. Блестящая и горестная жизнь Имре Кальмана. 1972–1979).

Такая детализация присутствует в 18 случаях из 92 (19,5 %) для конструкции *открывать бутылку* и в двух случаях из 40 (5 %) — для *откупоривать бутылку*. Обычно конструкция *откупоривать бутылку* вводится без какой-либо конкретизации, воспринимаясь как устоявшееся клише:

- (29) *Открылась дверь, и буфетчица внесла на подносе пять бутылок лимонада и стаканы. Откупорила бутылки, налила каждому и бесшумно удалилась* (В. Дудинцев. Не хлебом единым. 1956).

В двух случаях вхождение представляет собой прямую или чуть измененную цитату из «Моцарта и Сальери» Пушкина:

- (30) *А. П. Штейн во время войны сочинил цензору Сегеди: Коль мысли черные к тебе придут, Откупори шампанского бутылку Иль запрети «Женитьбу Фигаро»* (Н. Я. Эйдельман. Дневник Натана Эйдельмана. 1972).

В целом сделанные наблюдения подтверждаются и на материале подкорпуса 1991–2020-х гг. Конструкция *открывать бутылку* встречается в нем 199 раз, *открытая бутылка* — 31 раз, *откупоривать бутылку* — 92 раза, *откупоренная бутылка* — 8 раз, т. е. отношение частотностей близко к наблюдаемому в предыдущий период. Из 135 авторов, использующих первую группу конструкций (*открывать бутылку* и *открытая бутылка*), и 70 авторов, использующих вторую группу (*откупоривать бутылку* и *откупоренная бутылка*), 16 авторов употребляют конструкции, относящиеся к обеим группам. При этом из 17 авторов первой группы, дающих три и более вхождений, три используют и конструкции из второй группы. Во второй группе, соответственно, присутствует семь авторов с тремя и более вхождениями, и четыре из них используют конструкции из первой группы. Следует также отметить отсутствие авторов, у которых фиксируется три и более вхождений в каждой из групп. Обобщая эти данные, можно утверждать, что наблюдение А) в целом подтверждается, хотя разделение конструкций становится менее жестким (в первую очередь за счет того, что авторы, у которых конструкция *откупоривать бутылку* доминирует, начинают обращаться и к конструкции *открывать бутылку*).

Конструкция *открывать бутылку* встречается в прямой речи персонажей, включенной в ситуацию диалога, 18 раз (9 %), конструкция *откупоривать бутылку* не встречается ни разу. Другими словами, данный подкорпус дает гораздо более убедительное подтверждение наблюдения Б), чем подкорпус 1951–1990-х гг.

Далее, 49 вхождений (24,6 %) конструкции *открывать бутылку* содержат определенную детализацию процесса открывания; для конструкции *откупоривать бутылку* это происходит в 13 случаях (14,1 %). Это вполне коррелирует с наблюдением В).

Следует также отметить, что в шести случаях вхождение конструкции *откупоривать бутылку* представляет собой точную или близкую к тексту цитату упомянутого фрагмента «Моцарта и Сальери».

Прежде чем переходить к интерпретации приведенных данных и наблюдений, необходимо сделать одно общее замечание. Когда какая-либо социокультурная практика находит отражение в языке, язык с течением времени формирует свою традицию ее представления, которая получает

самостоятельное значение и составляет конкуренцию непосредственному описанию этой практики. Так, первые тексты русской литературы XIX в., описывающие езду на тройках, опираются на непосредственный опыт и переживания авторов, но постепенно формируется собственная литературная традиция описания тройки и езды на ней, которая начинает оказывать заметное влияние на позднейшие тексты. В частности, гоголевский образ «птицы-тройки» в ряде произведений вытесняет реальную практику даже тогда, когда она остается еще актуальной для культуры. В целом можно говорить о двух базовых подходах к представлению какой-либо практики: 1) непосредственному, опирающемуся на современный автору повседневный опыт, и 2) «литературному», исходящему в первую очередь из сложившейся литературной традиции ее представления. Лексический выбор в этих случаях будет определяться тем, на какой подход опирается автор в определенном контексте.

Приведенные соображения применимы и для анализа лексического выбора между конструкциями *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку* в текстах второй половины XX — первых десятилетий XXI в. Новые типы бутылок и новые действия, связанные с открыванием бутылок, делают конструкцию *откупоривать бутылку* нерелевантной для многих типов открывания, и она начинает связываться в значительной степени с литературной традицией, присутствуя почти исключительно в авторской речи и не предполагая детализации самого процесса. Нередкие отсылки к «Моцарту и Сальери» Пушкина являются наглядной иллюстрацией этому утверждению. При необходимости более непосредственного и детализированного отражения действия по открыванию бутылки в процессе коммуникации конструкция *открывать бутылку* оказывается более предпочтительной²⁴.

Заключение

Возвращаясь к работе А. Мейе, ставшей исходной точкой для данной статьи, необходимо отметить, что современный инструментарий, предоставляемый корпусами текстов и средствами для их статистической обработки, позволяет заметно уточнить и конкретизировать его идеи. Как видно из проделанного анализа, даже конструкции, которые выглядят абсолютно естественными и глубоко укорененными в повседневном языке, имеют продолжительную и часто неожиданную семантическую историю,

²⁴ Косвенное подтверждение этому — расхождение в отношении частотностей конструкций *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку* во второй половине XX — первых десятилетиях XXI в. по данным НКРЯ и GB. Для корпуса GB это отношение очевидно меньше. Одним из факторов, объясняющих данное различие, является специфика входящих в корпуса текстов: как уже отмечалось, в GB отсутствуют газеты и интернет-ресурсы, в которых, если следовать описанной выше логике, конструкция *открывать бутылку* должна доминировать.

на которую оказывают влияние как глобальные социокультурные изменения (такие как процесс секуляризации русской культуры во второй половине XVII — XVIII в.), так и локальные социокультурные практики (появление новых типов бутылок и новых способов их открывания). Значимую роль в этом процессе, в соответствии с наблюдениями А. Мейе, играет взаимодействие общего языка и языка локальных социальных групп. Эти группы оказываются более открытыми к семантическим (и мировоззренческим) инновациям, создавая набор возможностей для дальнейших семантических изменений в языке в целом.

Также важным инструментом описания лексических и семантических изменений является взгляд на них в ономаσιологической перспективе, исследующий процесс выбора между различными конструкциями и социокультурные критерии, его определяющие. В качестве одного из таких критериев можно выделить оппозицию между двумя подходами к описанию реальности: непосредственному, опирающемуся на современный автору повседневный опыт, и «литературному», в основе которого лежит система смыслов, сформировавшаяся в предшествующей литературной традиции ее описания.

Сделанные на локальном материале, приведенные соображения носят общий характер и могут быть использованы в широком круге работ, обращенных к проблематике лексических и семантических изменений.

Источники и словари

- Берхгольц 1902 — Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца: 1721–1725. Ч. 1. М., 1902.
- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1–20. СПб., 1997–2020.
- Бумажные бутылки 1935 — Бумажные бутылки для молока. М., 1935.
- Екатерина 1793 — Императрица Екатерина II. Указ о повышении продажной цены на вино по одному рублю на ведро. Б. м., декабрь 1793.
- Записки русского технического общества 1872 — Записки русского технического общества. СПб., 1872.
- Курукин 2005 — И. В. К у р у к и н. «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России. М., 2005.
- Ломоносов 1952 — М. В. Л о м о н о с о в. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.
- Описание 1914 — 150 лет Никольско-Бахметьевского хрустального завода князя А. Д. Оболенского: Описание истории завода и краткий очерк о развитии стекольного дела в России. СПб., 1914.
- Путилин 2003 — Шеф сыскной полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 2003.
- Пушкин 1982 — А. С. П у ш к и н. «Евгений Онегин», драматические произведения, романы, повести, «Путешествие в Арзрум». М., 1982.
- Пушкин 2002 — А. С. П у ш к и н. Сочинения. М., 2002.
- САР — Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб., 1789–1794.

- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–.
СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991;
Вып. 7–. СПб., 1992–.
Технологический журнал 1811 — Технологический журнал. Т. 8, ч. 2. СПб., 1811.

Л и т е р а т у р а

- Глебкин 2007 — В. В. Г л е б к и н. Мещанство // Культурология. Энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2007. С. 1312–1314.
Глебкин 2012 — В. В. Г л е б к и н. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа — Джонсона. Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 51–68.
Глебкин 2014 — В. В. Г л е б к и н. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014.
Глебкин 2018 — В. В. Г л е б к и н. Категории русской культуры XVIII–XX вв. Скука. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
Малинина 2009 — Т. А. М а л и н и н а. Императорский стеклянный завод. XVIII — начало XX века. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009.
Мейе 2019 — А. М е й е. Как слова меняют значение // Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 39–88.
Чиби́нев, Пиджаков 2008 — В. М. Ч и б и н е в, А. Ю. П и д ж а к о в. Этапы истории регулирования виноделия и винопития в России. СПб.: Лема, 2008.
Baldinger 1980 — K. B a l d i n g e r. Semantic Theory. Oxford: B. Blackwell, 1980.
Geeraerts 1997 — D. G e e r a e r t s. Diachronic prototype semantics: a contribution to historical lexicology. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1997.
Geeraerts 2006 — D. G e e r a e r t s. Words and other wonders: papers on lexical and semantic topics. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.
Geeraerts 2018 — D. G e e r a e r t s. Ten Lectures on Cognitive Sociolinguistics. Leiden; Boston: Brill, 2018.
Geeraerts et al. 1994 — D. G e e r a e r t s, S. G r o n d e l a e r s, P. B a k e m a. The structure of lexical variation: meaning, naming, and context. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994.

Статья получена 21.07.2020

Vladimir V. Glebkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
School 1514, Moscow
(Moscow, Russia)
gleb1514@gmail.com

BOTTLE OPENING AS AN OBJECT OF LINGUOCULTURAL ANALYSIS

The view of lexical and semantic changes as a process that is underpinned, to a large extent, by sociocultural factors is not a novelty for modern linguistics. Nevertheless, a recog-

nized research program to identify sociocultural triggers for such changes is yet to be developed. This article addresses lexical constructions used to denote the action of opening bottles, picks out milestones in the process of their change in time, and reveals the sociocultural grounds for this change. The research is conducted from the onomasiological perspective, which explores the lexical choice between alternative constructions and identifies the criteria that determine such a choice. The article provides evidence that in the 19th century the action of opening bottles was mainly represented by constructions *otkuporivat' butylku* and *raskuporivat' butylku*. The construction *otkryvat' butylku*, not present in the common language of the 19th century, emerges independently in the sociolect of the lower urban strata and in the technical language associated with applied sciences. In the 20th century, it penetrates common language, and since the last third of the 20th century it has surpassed the construction *otkuporivat' butylku* in lexical competition. The article also brings out the sociocultural factors underpinning the choice between the constructions *otkryvat' butylku* and *otkuporivat' butylku* by the authors from the second half of the 20th century through the first decades of the 21st century.

Keywords: lexical and semantic change; onomasiological approach; sociolect; diachronic analysis; bottle opening

References

- Baldinger, K. (1980). *Semantic Theory*. Oxford: B. Blackwell.
- Chibinev, V. M., & Pidzhakov, A. Yu. (2008). *Etapy istorii regulirovaniia vinodeliia i vinopitiia v Rossii*. St Petersburg: Lema.
- Geeraerts, D. (1997). *Diachronic prototype semantics: a contribution to historical lexicology*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.
- Geeraerts, D. (2006). *Words and other wonders: papers on lexical and semantic topics*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Geeraerts, D. (2018). *Ten Lectures on Cognitive Sociolinguistics*. Leiden; Boston: Brill.
- Geeraerts, D., Grondelaers, S., & Bakema, P. (1994). *The structure of lexical variation: meaning, naming, and context*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Glebkin, V. V. (2007). Meshchanstvo. In S. Levit (2007), *Kul'turologiia. Entsiklopediia* (Vol. 1, pp. 1312–1314). Moscow: ROSSPEN.
- Glebkin, V. V. (2012). Metafora mekhanizma i teorii kontseptual'noi metafory Lakoffa — Dzhonsona. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 51–68.
- Glebkin, V. V. (2014). *Smena paradigm v lingvisticheskoi semantike: ot izoliatsionizma k sotsiokul'turnym modeliam*. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Glebkin, V. V. (2018). *Kategorii russkoi kul'tury XVIII–XX vv. Skuka*. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Malinina, T. A. (2009). *Imperatorskii stekliannyi zavod. XVIII — nachalo XX veka*. St Petersburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha.
- Meillet, A. (2019). Kak slova meniaiut znachenie. In Kagarlitskii, Yu., Kalugin, D., & Maslov, B. (Eds.), *Poniatii, idei, konstruktii: ocherki sravnitel'noi istoricheskoi semantiki* (pp. 39–88). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Received on July 21, 2020